

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ДЕНЕГ В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

В статье рассматриваются объективные и субъективные свойства денег, базовые и дополнительные (нерыночные) свойства денег в доиндустриальную эпоху. Изучается формирование дополнительной субъективной ценности денег при использовании их в качестве награды, инструмента пропаганды, социального и сословного маркера, сакрального объекта. Рассматривается связь между усилением государственной власти и ростом субъективной ценности денег.

Ключевые слова: деньги, объективный, субъективный, ценность, доиндустриальный.

С 2008 года мир оказался в уникальной ситуации — наиболее развитые страны, бывшие на протяжении нескольких столетий локомотивами экономического роста в планетарном масштабе, оказались в положении, когда рост их экономик возможен, по сути, только благодаря эмиссии. Как долго это может продлиться? Вопрос далеко не отвлеченный, от него зависят экономические стратегии и целых государств, и отдельных домохозяйств. Поэтому вопрос о существенных свойствах исключительно эмиссионного финансирования, чисто субъективного акта эмитента, на наш взгляд, является интересной социально-философской проблемой, заслуживающей отдельного рассмотрения. Прежде чем приступить к этому вопросу, мы проанализируем соотношение объективных и субъективных свойств денег в доиндустриальную эпоху. На наш взгляд, без анализа эволюции ценностного содержания денег решить вопрос об их субъективности и объективности не представляется возможным.

В современных обществах, пользующихся фиатными деньгами, полностью отделенными от материального содержания, деньги с момента демонтажа Бреттон-Вудской системы превратились в чистый знак, в означающее без означаемого. По сути, перед нами предпоследний этап долгого процесса дематериализации и деобъективации денег. Человечество, начав с бартера предметов, перешло к весовым драгоценным металлам, потом к монетам из драгоценных металлов, потом к кредитным билетам, обеспеченным драгоценными металлами, наконец просто к бумажным деньгам, обеспеченным только волей и авторитетом эмитента. Последним этапом, судя по всему, станет окончательное исчезновение наличности даже как знаков и полный переход денег в электронную форму.

Несмотря на четко прослеживающийся процесс дематериализации и деобъективации денег в ходе человеческой истории, остается открытым вопрос о соотношении объективного и субъективного начал в деньгах. Не подвергается сомнению наличие объективной составляющей в денежных знаках доиндустриальных обществ —

* © Слатов Д.Г., 2013

Слатов Дмитрий Геннадьевич (egmu205@mail.ru), кафедра экономики города и муниципального управления Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

драгоценного металла, определяющего объективную, не зависящую ни от чьей воли ценность монеты. Тем не менее ценность металла всегда пусть ненамного, но ниже покупательной способности монеты. Эта разница и составляет субъективную ценность.

Вопрос состоит в том, какова природа субъективной ценности той же самой монеты? Сама собой напрашивается мысль, возникающая из экстраполяции современного опыта, — субъективная ценность денег есть следствие воли и авторитета эмитента, его способности принудить использовать данный вид знаков как всеобщий эквивалент. Эта гипотеза будет нами рассмотрена в данной статье.

При выборе хронологических рамок исследования мы исходили из качественного отличия доиндустриальной, с одной стороны, и индустриальной, а также постиндустриальной эпох, с другой. Спектр качественных различий очень широк и касается едва ли не всех сторон человеческой жизни. Нас будут интересовать различия места денег в ценностных пространствах указанных периодов.

При анализе социального феномена денег в доиндустриальную эпоху за рубежом, разделяющий доиндустриальное общество и общество индустриальное, мы примем последнюю четверть XVIII века. Чем обусловлен такой выбор? Понятно, что в некоторых регионах планеты доиндустриальная эпоха не завершилась до настоящего времени. Поэтому выбор рубежа будет так или иначе отражением появления как неких сущностных признаков, ранее не встречавшихся в социальной реальности, так и основанных на них про- и ретроспективных дискурсов в интеллектуальном пространстве Нового времени.

К таким признакам мы отнесем начало промышленного переворота в Англии, а также войну за независимость США и Великую французскую революцию. Промышленный переворот начал формировать индустриальное общество, то, что впоследствии будет названо массовым обществом. Война за независимость США и Великая французская революция позволили отработать на практике и запустить в массовое сознание паттерны эгалитарного бессловного общества, основанного на других принципах стратификации, нежели доиндустриальные, сословно-структурированные социумы.

Важнейшим из этих новых оснований стратификации стало обладание измеримым в денежной форме богатством. Приращение измеримого в денежной форме богатства позиционируется как наиболее социально приемлемая деятельность, обладающая признаками сакрального акта. В отличие от протестантской этики раннего Нового времени, в рамках которой измеримое богатство не более чем индикатор правильности выбранного человеком пути к спасению души, в индустриальную эпоху с ее секуляризацией массового сознания эта индикативная функция богатства трансформируется в самоценную и самодовлеющую деятельность.

«В искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в достижении цели, а целью здесь оказывается богатство и обладание деньгами. Напротив, в области, относящейся к домохозяйству... предел имеется, так целью домохозяйства служит не накопление денег» [1, с. 36]. Накопление денег ради денег не просто бессмысленно, оно вредно, ибо нарушает сложившийся порядок, разрушает социальные связи, разрушает общину сограждан, общину равных, основу бытия античного человека. Этот тезис Аристотеля принципиально важен для понимания сути денег в доиндустриальную эпоху вообще, не только в античности.

Иллюстрацией подобного подхода, доведенного до абсолюта, может служить денежная реформа спартанского царя Ликурга. Она стала едва ли не первым зафиксированным социальным экспериментом с объективной и субъективной ценностями денег. Плутарх указывает на мотивацию Ликурга: «...дабы изгнать наглость, зависть, злобу, роскошь и еще более страшные недуги государства — богат-

ство и бедность...» [2, с. 51]. Ликург сознательно ограничил товарно-денежные отношения в Спарте. Золотые и серебряные деньги изымались из оборота, заменяясь железными монетами, закаленными в уксусе. После этого деньги становились хрупкими, и их нельзя было перековать на что-нибудь полезное. Таким образом, деньги изгонялись из жизни спартанцев. К тому же Спарта исключалась из системы внешнеторговых связей, поскольку торговцы ничего не могли продать спартанцам, не имевшим серебряных и золотых монет. Эта реформа показательна тем, что Ликург полностью лишил деньги объективной ценности, которую имеет металл сам по себе, независимо от того, что из него изготовлено. Субъективная ценность денег оказалась крайне невелика, чего и добивался реформатор.

В отличие от современных обществ, где денежные знаки также не имеют самостоятельной ценности, в Спарте резко свернулись товарно-денежные отношения и на несколько столетий установилась экономика тотального распределения. По сути, рынок в Спарте был уничтожен как явление.

В Средние века христианский пафос нестяжательства сформировал устойчивый взгляд на деньги как на некую низкую сущность, имеющую дьявольскую природу, что проявилось в низком статусе самого социального концепта денег относительно других социальных концептов. Начисто исключается их самооценочность. Операции с ними сильно ограничены. Деньги это сущность, враждебная традиционному средневековому социуму. Их самовозрастание греховно [3, с. 126]. В средневековые деньги использовались относительно мало по сравнению с неплохо монетизированными экономиками античности и Нового времени. Тем не менее Средние века дают нам немало значимой информации об объективной и субъективной ценности денег.

Благодаря Средневековью мы можем изучить феномен массовой частной эмиссии денег. В отличие от Нового и Новейшего времени, когда эмиссия денежных знаков сосредоточилась в руках государственных центральных банков или их аналогов, в Средние века процветала частная чеканка денег. Практически любой крупный и иногда даже средней руки сеньор имел собственный монетный двор и выпускал свои денежные знаки. У подобной деятельности было несколько целей. Во-первых, получение сеньоража — разницы между затратами на эмиссию монеты и ее номинальной стоимостью. Во-вторых, престиж — обладание собственным монетным двором было привилегией влиятельного светского или духовного феодала. К тому же монеты, отчеканенные на своем дворе, использовались как награды за службу, вроде современных медалей. Более того, монеты служили своеобразными элементами пропаганды. Так, историкам хорошо известны выпущенные князем Владимиром «златники» и «сребреники». Отчеканены они были по сравнению с распространенными на Руси того времени арабскими дирхемами очень небольшим тиражом (до наших дней дошло примерно десятков монет). Очевидно, что эти монеты не выполняли функцию обращения, а были престижными предметами, призванными продемонстрировать высокий статус князя. Такие предметы обладали довольно сложной совокупностью объективной и субъективной ценности. Объективная ценность содержащегося в монете металла дополнялась субъективной ценностью сеньоража и субъективной ценностью монеты как знака отличия, знака расположения к ее обладателю влиятельного сеньора.

Средневековье раскрывает нам еще один аспект соотношения объективной и субъективной ценности денег — сословность их употребления. Несмотря на то что формально в рыночных отношениях могли участвовать представители всех сословий, обладание теми или иными монетами было де-факто сословным отличительным знаком. Так, крестьяне пользовались медными и реже серебряными монета-

ми. Золотые монеты имели слишком высокий номинал, и крестьянин просто не мог их получить при продаже своих товаров. Но даже если такая монета чудом оказывалась у крестьянина, тот, как правило, избавлялся от нее, меняя на более ходовое серебро. Высшие аристократы, наоборот, пользовались золотом и зачастую могли не иметь не то что медной мелочи, но даже серебра. Французский медиевист Жак ле Гофф приводит показательный случай. Герцог Бургундский, заблудившись в лесу, нашел приют в доме дровосека и попросил его вывести из леса, предложив тому огромную сумму в четыре патарда (крупных серебряных монеты). Герцог сказал, что, к сожалению, не имеет при себе мелкой монеты и взамен дал дровосеку золотой флорин [4, с. 162–163]. Перед нами пример обращения денег не в соответствии с рыночными отношениями, а согласно социальной значимости владельцев. Очевидно, что золотой здесь не просто дензнак очень высокого номинала, но и важный престижный предмет, подчеркивающий статус владельца. Кстати, именно поэтому серебро, а не золото или медь, лежало в основе монетных систем Средневековья. Золото было слишком дорогим и престижным для массового употребления. Медь — слишком дешевой и недостойной высокородных господ. Серебром же могли оперировать все.

К концу Средневековья количество монетных дворов стремительно сокращается. Эмиссия денег монополизирована монархами и начинает рассматриваться как атрибут государственного суверенитета. С развитием рыночных отношений постепенно возрастает роль денег как средства обращения. Возрастает значимость денег как конвертора ценностей [5].

Осмысление различий в объективной и субъективной ценности денег начинается в раннее Новое время. Для наших целей весьма интересен закон Коперника-Грешема. Суть этого экономического закона в том, что «плохие» деньги вытесняют из обращения «хорошие», которые тезаврируются населением, т. е. накапливаются в виде сокровищ. Философский смысл этого закона состоит в том, что имеется объективная ценность денег, и при принудительном, т. е. субъективном, увеличении этой стоимости люди продолжают отдавать предпочтение деньгам, в наиболее полном виде сохраняющим именно объективную, а не субъективную стоимость.

В эпоху раннего Нового времени широко распространяется социальный концепт договора как универсальный принцип взаимодействия равных субъектов. Отчасти этому способствовало широкое распространение в это время торговли, для которой подобный дискурс был естественным, и перенесение модели договорных отношений на другие сферы социального бытия.

Великий английский философ Томас Гоббс, будучи сторонником договорной концепции возникновения государства, да и вообще социальных связей, рассматривал деньги в первую очередь как сущность, выступающую эквивалентом иных ценностей, например, жизни или свободы распоряжения трудом. С другой стороны, деньги упрощают и оптимизируют сам акт договора. Так, Гоббс пишет: «Например, если я заключаю соглашение с врагом об уплате выкупа или о службе ему в обмен на свою жизнь, то я связан таким соглашением. Ибо такого рода соглашение есть договор, при котором один получает благо жизни, другой должен получить взамен деньги или службу». Впрочем, деньги как таковые Гоббса также интересовали: «Деньги — кровь государства... Ибо золото и серебро, которые высоко ценятся почти во всех странах света, являются удобным мериллом ценности всех вещей в сношениях между народами, а деньги (из какого бы материала суверен государства ни чеканил их) являются достаточным мериллом ценности всех вещей в сношениях между подданными данного государства» [6, с. 173–174]. Гоббс четко различает различную природу ценности разных видов денег: «А так как серебро и

золото имеют свою ценность от их материала, то они имеют, во-первых, ту привилегию, что их ценность не может быть изменена властью одного или нескольких государств, ибо они являются общим мерилем товаров всех стран. Деньги же, сделанные из неблагородных металлов, легко могут быть повышены или понижены в своей стоимости... она подвержена изменениям в связи с изменениями законов, так что ее стоимость может быть снижена, часто к ущербу тех, кто ею обладает» [6, с. 174].

Итак, Гоббс определяет основные функции денег как эквивалента ценности в договорных отношениях и как переносчика ценности внутри и между государствами. Кроме того, природа ценности денег двойка — золото и серебро самоценны, деньги из иных материалов обладают ценностью в силу государственного принуждения и являются деньгами только там, куда распространяется сила государства [7, с. 136].

Другой великий английский философ Джон Локк обращал внимание на то, что ценность любых денег — также договорной акт. «Люди *согласились*, что маленький кусочек желтого металла, который может сохраняться, не истираясь и не ржавея, будет обладать такой же ценностью, как огромный кусок мяса или целая куча зерна» [8, с. 282] (курсив наш. — Д.С.). Отметим, что если Гоббс различает самоценность денег из драгоценных металлов и принудительно устанавливаемую ценность денег из других металлов, то Локк декларирует договорной характер ценности любых денег в принципе. Локк дает важные замечания о ценности денег, рассматривая их как общепринятый договорной инструмент накопления. Именно деньги, по мнению Локка, дали толчок к формированию частной собственности, предоставив людям возможность накапливать благородные металлы вместо скоропортящихся ресурсов и тем самым мотивировав их приобретать любые ресурсы вообще, сверх необходимого им для повседневного потребления уровня, поскольку они могут быть превращены в деньги, т. е. дают возможность богатеть [8, с. 289].

Гораздо дальше европейцев по пути дифференциации объективной и субъективной ценности денег продвинулись в Китае. Если в Европе бумажные деньги прочно вошли в обиход только в последней трети XVIII века, то китайцы использовали бумажные деньги уже в XI веке. Первые бумажные деньги появились в 1024 г. в эпоху правления династии Сун [9, с. 13]. Активное использование бумажных денег, т. е. денег, не имеющих объективной ценности, стало возможно благодаря эффективно действующему государственному аппарату, способному принудить население к использованию бумажных денег и решить задачу эффективного обмена бумажных денег на металлические и наоборот. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как привычка к использованию бумаги, причем не просто бумаги, а бумаги с изображенными на ней иероглифами. Отношение к такой бумаге в Китае было исключительно уважительное, как к сакральному предмету. Испсанную бумагу не выбрасывали, не мяли. Ее сжигали в специальных печах.

Весьма показательно, что даже наличие мощной государственной власти и знакомство с идеей бумажных денег не гарантируют успешного их обращения. Так, в 1294 в столице государства Хулагидов, Тебризе, при помощи китайского советника была предпринята попытка ввести ассигнации по китайскому образцу. Попытка окончилась полным провалом, через неделю рынки опустели, торговцы не захотели принимать новые деньги. Вскоре эксперимент прекратили [9, с. 13].

Таким образом, можно сказать, что в доиндустриальную эпоху деньги обладали существенно более широким набором функций, нежели простое средство обращения и эквивалент стоимости. Причем дополнительные функции денег, такие как награда, инструмент агитации и пропаганды, маркер принадлежности к той или иной социальной страте, сакральный объект, образуют дополнительную субъективную ценность денег. Можно сделать вывод, что, несмотря на относительную слабость государства в

доиндустриальную эпоху, не способного еще принудить использовать деньги, полностью лишённые объективной ценности, деньги, тем не менее, приобретают дополнительную субъективную ценность за счёт дополнительных функций.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2002. 496 с.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М.: Наука, 1994. 704 с.
3. Слатов Д.Г. О некоторых свойствах денег в доиндустриальных экономиках // Экономика, финансы и управление в современных условиях. 2010. Вып. 2 (4). С. 125–130.
4. Гофф Жак Ле. Средневековье и деньги: опыт исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2010. 222 с.
5. Слатов Д.Г. О понятии «ценность денег». Постановка проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 81. С. 58–61.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 480 с.
7. Слатов Д.Г. Ценность денег в философии Ренессанса и раннего Нового времени // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 10 (101). С. 133–138.
8. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 623 с.
9. Ивочкина Н.В. Денежное обращение в Древнем Китае. Изобретение бумажных денег // Нумизматический альманах. 2004. № 1. С. 12–15.

*D.G. Slatov**

OBJECTIVITY AND SUBJECTIVITY OF MONEY IN PRE-INDUSTRIAL ERA

This article is devoted to objective and subjective features of money. Basic and additional (non-market) features of money in pre-industrial era are viewed. The formation of additional subjective value of money at using them as a reward, instrument of propaganda, social and estate marker, sacred object is studied. Relation between strengthening of state power and growth of subjective value of money is considered.

Key words: money, objective, subjective, value, pre-industrial.

* Slatov Dmitriy Gennadievich (egmu205@mail.ru), the Dept. of Economy of the City and Municipal Management, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.